

КАНТ ОБ ЭНТУЗИАЗМЕ

Ю. Штольценберг¹

Кантовской теории энтузиазма уделено относительно мало внимания в кантоведении. Это удивительно, учитывая тот факт, что Кант был озабочен проблемой энтузиазма на протяжении всей своей жизни. Одна из причин может заключаться в том, что для Канта энтузиазм – это аффект. Следовательно, его нельзя использовать для обоснования этики. Однако при ближайшем рассмотрении вырисовывается более дифференцированная картина. Наряду с патологическим энтузиазмом Кант признает эстетически возвышенный энтузиазм, а в своих размышлениях о реакции на события Французской революции вводит понятие истинного энтузиазма, связанного с идеями свободы и справедливости. И наконец, Кант предлагает понятие энтузиазма доброго намерения. В нравственном воспитании такой энтузиазм представляет собой предварительную стадию чувства уважения к моральному закону и рассматривается уже не как аффект, а как то, что находится под руководством разума. Эти частично несовместимые концепции энтузиазма я обсуждаю в первой части статьи, а во второй исследую интерпретацию и критику Жаном-Франсуа Лиотаром философско-исторической теории энтузиазма Канта. Перед лицом разрушительных катастроф XX в. Лиотар не видит причин для энтузиазма, который Кант выявил в восприятии публикой Французской революции и истолковал как прогностический знак будущей истории. На смену ему пришла общая усталость от мира. Однако критика Канта со стороны Лиотара основана на исторцистском заблуждении. Ссылка на исторические катастрофы не является аргументом ни против априорной обоснованности идей свободы и справедливости, ни против стремления к их реализации.

Ключевые слова: Кант, энтузиазм, аффект, благо, добродетель, мотивация, практический разум, Лиотар

¹ Галле-Виттенбергский университет имени Мартина Лютера (MLU). Германия, 06108 Галле (Зале), Эмиль-Абдерхальден-штрассе, д. 26–27.
Получено: 04.11.2024 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-1-2

KANT ON ENTHUSIASM

J. Stolzenberg¹

Kant's theory of enthusiasm has received relatively little attention in Kant studies. This is surprising in view of the fact that Kant was preoccupied with the theme of enthusiasm throughout his life. One of the reasons may be that for Kant enthusiasm is an affect. Therefore, it cannot be used to justify ethics. On closer examination, however, a more differentiated picture emerges. In addition to pathological enthusiasm, Kant recognises an aesthetically sublime enthusiasm, and in his reflections on the reaction to the events of the French Revolution, Kant coined the concept of a true enthusiasm, related to the ideas of freedom and justice. Finally, Kant introduces the concept of the enthusiasm of good resolution. It is a preliminary stage of the feeling of respect for the moral law in moral education. It is no longer regarded as an affect, but is under the guidance of reason. The first part discusses the partly incompatible conceptions of enthusiasm. The second part examines Jean-François Lyotard's interpretation and critique of Kant's philosophical-historical theory of enthusiasm. In the face of the devastating catastrophes of the twentieth century, Lyotard sees no reason for the enthusiasm that Kant perceived in the people's reaction to the French Revolution and interpreted as a prognostic sign of future history. It has been replaced by a general world-weariness. However, Lyotard's critique of Kant is based on a historicist fallacy. The reference to historical catastrophes is not an argument against the a priori validity of the ideas of freedom and justice and against the endeavour for their realisation.

Keywords: Kant, enthusiasm, affect, the good, virtue, motivation, practical reason, Lyotard

¹ Martin Luther University Halle-Wittenberg (MLU). 26-27 Emil-Abderhalden-Str., 06108 Halle (Saale), Germany.
Received: 04.11.2024.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-1-2

Энтузиазм — многомерное понятие. Оно включает в себя мифический, религиозно-ритуальный, поэтологический и, наконец, моральный и политический смыслы. Мифическое, религиозно-ритуальное и поэтологическое значения этого понятия хорошо известны еще со времен Древней Греции. *Энтузиазм* здесь означает необыкновенное, сверхъестественно-божественное вдохновение, которое переживается в эйфорическом, эмоциональном состоянии. Морально-практический и политический смыслы всё больше доминируют в течение XVIII в. Кульминацией этого сложного и многоступенчатого развития стало понятие *энтузиазма* в смысле положительной эмоциональной энергии, которая решительно отличалась от религиозного и политического фанатизма или восторга и в качестве благородного, или рационального, энтузиазма превратилась в психологическую движущую силу для реализации практических идей, таких как свобода, равенство, справедливость и человечность. Развитие понятия энтузиазма в XVIII в. довольно хорошо изучено², поэтому я не буду останавливаться на этом вопросе. В мою задачу также не входит категоризация позиции Канта в современном ему дискурсе об энтузиазме. Вместо этого я сосредоточусь на концептуальном анализе позиции Канта и ее различных версий³. В заключительном разделе я рассмотрю постмодернистскую интерпретацию Жаном-Франсуа Лиотаром кантовской теории энтузиазма.

Патологический энтузиазм

Центральное определение понятия энтузиазма у Канта звучит следующим образом: «Идея доброго, [соединенная] с аффектом, на-

² Здесь следует особо упомянуть Шефтсбери и Юма в Англии, Дидро, Руссо и Кондорсе во Франции, Шубарта и Гердера в Германии. О развитии концепции энтузиазма в XVIII в. см. подробнее: (Schramke, 2018; Heyd, 1995; Stolzenberg, 2023).

³ Наиболее подробное изложение и обсуждение теории энтузиазма Канта на сегодняшний день представлено в работе Роберта Р. Кьюиса (Clewis, 2018).

Enthusiasm is a multidimensional concept. It encompasses a mythical, a religious-ritualistic, a poetological and, finally, a moral and a political meaning. The mythical, religious-ritualistic and poetological meanings were well known from ancient Greece and had been passed down to modern times. *Enthusiasm* here means an extraordinary, supernatural-divine inspiration that is experienced in a euphoric, emotional state. The moral-practical and political senses become increasingly dominant in the course of the eighteenth century. The complex and multi-stage development culminated in the concept of *enthusiasm* in the sense of a positive emotional energy. This was decisively distinguished from religious and political fanaticism or rapture and, as noble or rational enthusiasm, became the psychological driving force for the realisation of practical ideas such as freedom, equality, justice and humanity. The development of the concept of enthusiasm in the eighteenth century is fairly well studied,² so I will not pursue this issue. Nor is it my task to categorise Kant's position in the discourse on enthusiasm in his century. Instead, I will concentrate on a conceptual analysis of Kant's position and its different versions.³ In a final section I will discuss Jean-François Lyotard's postmodern interpretation of Kant's theory of enthusiasm.

Pathological Enthusiasm

Kant's central definition of the concept of enthusiasm runs as follows: "The idea of the good with affect is called *enthusiasm*" (KU, AA

² Shaftesbury and Hume in England, Diderot, Rousseau and Condorcet in France, Schubart and Herder in Germany should be mentioned here in particular. As to the development of the concept of enthusiasm in the eighteenth century see in detail Schramke (2018); see also Heyd (1995) and Stolzenberg (2023).

³ The most detailed presentation and discussion of Kant's theory of enthusiasm until today has been provided by Robert R. Clewis (2018).

зывается *энтузиазмом*» (AA 05, S. 271–272; Кант, 2001, с. 321). Отсюда можно сделать вывод, что *энтузиазм* — это аффект, вызванный воображаемой идеей доброго в субъекте. Другие фрагменты указывают на то, что Кант имеет в виду добро в моральном или политико-правовом смысле. Согласно Канту, аффект — это «чувство удовольствия или неудовольствия в настоящем состоянии, которое не позволяет возникнуть в субъекте *размышлению* (разумному представлению о том, следует ли предаться ему или уклониться от него)» (AA 07, S. 251; Кант, 2024а, с. 306; см. также: AA 06, S. 407; Кант, 2019, с. 83). Поскольку энтузиазм как чувство «всегда относится к чувственности» (AA 06, S. 409; Кант, 2019, с. 87), то, когда дело доходит до действия, он, согласно Канту, «слеп или в выборе своей цели, или, если эта цель также дана разумом, в ее осуществлении» и неспособен «свободно размышлять об основоположениях, чтобы согласно им определять себя» (AA 05, S. 272; Кант, 2001, с. 323). Кант подчеркивает, что аффект препятствует любым намерениям и является саморазрушительным, заявляя: «...вообще-то аффект, рассматриваемый сам по себе, во всякое время бывает неблагоприятен; он сам делает себя неспособным к преследованию своей собственной цели» (AA 07, S. 253; Кант, 2024а, с. 308). Энтузиазм, утверждает Кант, даже если он руководствуется «максимой патриотической добродетели или дружбы», всегда будет разогрет «выше должного градуса» (AA 02, S. 251 Anm.; Кант, 2024б, с. 80, примеч.). Поэтому, утверждает Кант, «он никоим образом не может вызвать благорасположения разума» (AA 05, S. 272; Кант, 2001, с. 323). А значит, энтузиазм не может быть компонентом истинной морали и, следовательно, движущей силой нравственного поведения. Вердикт против морального качества энтузиазма, таким образом, однозначен: «Только мнимая сила большого лихорадкой доводит до аффекта живое участие даже к *добру* или, вернее, дает ему выродиться в аффект. Такого рода аффект называют *энтузиазмом*» (AA

05, pp. 271-272; Kant, 2000, p. 154). It can be inferred from this that *enthusiasm* is an affect caused by the imagined idea of the good in a subject. Other passages indicate that Kant means the good in a moral or political-legal sense. According to Kant, an affect is “the feeling of a pleasure or displeasure in the subject’s present state that does not let him rise to *reflection* (the representation by means of reason as to whether he should give himself up to it or refuse it)” (*Anth*, AA 07, p. 251; Kant, 2007a, pp. 353-354; see also *MS TL*, AA 06, p. 407; Kant, 1999a, p. 535). Since enthusiasm as a feeling “always belongs to sensibility” (*MS TL*, AA 06, p. 409; Kant, 1999a, p. 536), when it comes to action, according to Kant, it is “blind, either in the choice of its end, or, even if this is given by reason, in its implementation” and “incapable of engaging in free consideration of principles, in order to determine itself in accordance with them” (*KU*, AA 05, p. 272; Kant, 2000, p. 154). Kant emphasises that affect prevents any intention and is self-destructive with the statement: “By the way, affect, considered by itself alone, is always imprudent; it makes itself incapable of pursuing its own end” (*Anth*, AA 07, p. 253; Kant, 2007a, pp. 353-356). Enthusiasm, Kant further argues, even when it is guided “by the maxim of patriotic virtue, or of friendship”, will always be “inflamed beyond the appropriate degree” (*GSE*, AA 02, p. 251n; Kant, 2007b, p. 58n). Therefore, Kant affirms, “it cannot in any way merit a satisfaction of reason” (*KU*, AA 05, p. 272; Kant, 2000, p. 154). And therefore enthusiasm cannot be a component of true morality, and thus also not a driving force for moral behaviour. The verdict against the moral quality of enthusiasm is also unequivocal: “Only the apparent strength of someone feverish lets a lively sympathy even for *what is good* rise into an affect or rather degenerate into it. An affect of this kind is called

06, S. 408–409; Кант, 2019, с. 85–87). Как аффект, он также лишь «сверкающее один миг явление, оставляющее после себя расслабление» (AA 06, S. 409; Кант, 2019, с. 87). И поэтому Кант видит в аффекте «единственно то доброе, что эта буря быстро утихает» (AA 06, S. 408; Кант, 2019, с. 85).

Эстетически возвышенный энтузиазм

В своем раннем «Опыте о болезнях головы» Кант проявил больше симпатии к энтузиазму и его движущей силе. Здесь он признал за энтузиазмом, несмотря на то что тот предполагает «двойную видимость фантазерства в самих по себе хороших, моральных чувствах», предикат возвышенного, поскольку «без него в мире никогда не получалось ничего великого» (AA 02, S. 267; Кант, 2024в, с. 94). Такой энтузиазм можно назвать *возвышенным* в той мере, в какой его носитель стремится достичь своей великой цели с уверенностью в силе, преодолевающей любое сопротивление, и получает от этого повышенное чувство удовольствия. Но здесь возникает концептуальная проблема. Очевидно, что Кант не может иметь в виду только что описанный патологический, опьяняющий энтузиазм, который неспособен преследовать даже среднесрочные цели с помощью рационально обоснованного намерения. Если предполагается, что энтузиазм привел к чему-то великому в мире, то это, несомненно, должен быть «благородный» энтузиазм, который направляет свою энергию на службу рациональным идеям в долгосрочной перспективе и тем самым предоставляет разуму «удерживать поводья» (AA 07, S. 254; Кант, 2024а, с. 309). Следовательно, не аффект, а разум управляет поступками, что, однако, несовместимо с патологической концепцией энтузиазма. Далее я вернусь к этому вопросу.

В более поздние годы Кант отдалился от своей ранней оценки такого возвышенного энтузиазма. Об этом свидетельствует одно замечание в его теории возвышенного в «Критике способности суждения». Здесь Кант ссылается

enthusiasm” (MS TL, AA 06, p. 408-409; Kant, 1999a, p. 536). As an affect, it is also only “a momentary, sparkling phenomenon that leaves one exhausted” (MS TL, AA 06, p. 409; Kant, 1999a, p. 536). And so Kant only sees “one good thing” about affect, “that this tempest quickly subsides” (MS TL, AA 06, p. 408; Kant, 1999a, p. 535).

The Aesthetically Sublime Enthusiasm

In his early *Essay on the Maladies of the Head*, Kant had shown more sympathy for enthusiasm and its motivating power. Here he had conceded to enthusiasm – although it involves a “two-sided appearance of fantasy in moral sensations that are in themselves good” – the predicate of the sublime because “nothing great has ever been accomplished in the world without it” (VKK, AA 02, p. 267; Kant, 2007c, p. 73). Such enthusiasm can be called *sublime* insofar as its bearer endeavours to achieve its great goal with confidence in a power that overcomes all resistance and gains a heightened sense of pleasure from this. But there is a conceptual problem. It is obvious that Kant cannot be referring here to the pathological and intoxicating enthusiasm just described, which is incapable of pursuing even medium-term goals through a rationally justified intention. If enthusiasm is supposed to have brought about something great in the world, then it must surely be a ‘noble’ enthusiasm that places its energies in the service of rational ideas in the long term and also thus leaves reason to “handle the reins” (*Anth*, AA 07, p. 254; Kant, 2007a, p. 356). And this means that it is not affect but reason that governs actions. This, however, is not compatible with the pathological concept of enthusiasm. I will return to this point.

In later years, Kant distanced himself from his early appreciation of such sublime enthusiasm. This is shown by a remark in

на свое раннее мнение о том, что «без него [энтузиазма] не может быть достигнуто ничего великого» (AA 05, S. 272; Кант, 2001, с. 321–323), как на общее мнение, которое ошибочно приписывает энтузиазму предикат возвышенного. В качестве обоснования Кант снова обращается к процитированному в начале статьи определению об аффективном по своей сути характере энтузиазма, который делает его слепым и в выборе целей, и в их реализации, а также к тому факту, что в силу его аффективной природы преодоление препятствий чувственности не достигается свободным учетом принципов разума. Именно поэтому «отсутствие аффектов», стоическая *apatheia* (Там же; см. также: AA 07, S. 254; Кант, 2024а, с. 309) в смысле привычной ориентации на практические принципы разума, которая вообще не позволяет аффектам стать практически действенными, «возвышенно, и притом в превосходной степени» (AA 05, S. 272; Кант, 2001, с. 323). Оно одно заслуживает предиката благородства, и на его стороне аплодисменты чистого разума.

Однако смущает последующее объяснение Канта, что энтузиазм, рассматриваемый «эстетически», «тем не менее... возвышен» (Там же). Причина в том, что «он есть напряжение сил через идеи, вызывающие такой порыв души, который действует гораздо сильнее и длительнее, чем побуждение, получаемое от чувственных представлений» (Там же). Это смущение рассеивается, если мы принимаем во внимание пояснение Канта в начале «Аналитики прекрасного», что термин «эстетическое» относится исключительно к перспективе субъекта и к тому, что связано с чувством удовольствия и касается всего «жизненного чувства» (AA 05, S. 204; Кант, 2001, с. 153). Отсюда ясно, что увеличение психической энергии, вызванное энтузиазмом, связано с увеличением этого жизненного чувства и, как следствие, усиленным чувством удовольствия. Эти усиления чувств вызваны видением возможности счастливой

his theory of the sublime in the *Critique of Judgement*. Here Kant cites his early view that “without it [i.e. enthusiasm] nothing great can be accomplished” (KU, AA 05, p. 272; Kant, 2000, p. 154) as a general view that wrongly attributed the predicate of the sublime to enthusiasm. By way of justification, Kant refers back to the definition quoted at the beginning to the essentially affective character of enthusiasm, which makes it blind either in the choice of its purposes or in their realisation, and to the fact that due to its affect nature, the overcoming of obstacles of sensibility is not achieved by the free consideration of principles of reason. And therefore “affectlessness”, the Stoic *apatheia* (*ibid.*; see also *Anth*, AA 07, p. 254; Kant, 2007a, p. 356), in the sense of a habitual orientation towards practical principles of reason, which does not allow affects to become practically effective at all, is “sublime, and indeed in a far superior way” (KU, AA 05, p. 272; Kant, 2000, p. 154). It alone deserves the predicate of nobility and has the applause of pure reason on its side.

What is irritating, however, is Kant’s subsequent explanation that enthusiasm, viewed “aesthetically”, is “[n]evertheless [...] sublime” (*ibid.*). The reason given is that “it is a stretching of the powers through ideas, which give the mind a momentum that acts far more powerfully and persistently than the impetus given by sensory representations” (*ibid.*). The irritation dissolves when one considers Kant’s explanation at the beginning of the “Analytic of the Beautiful” that the term *aesthetic* refers solely to the perspective of the subject and to that which is connected with the feeling of pleasure and concerns the entire “feeling of life” (KU, AA 05, p. 204; Kant, 2000, p. 90). It is then clear that the increase in psychic energies brought about by enthusiasm is connected with an increase in that feeling of life and a heightened feeling of

реализации определенных практических идей, связанных с идеей блага и превосходящих все содержание опыта. Они возникают сами собой, благодаря «напряжению сил», и успешно преодолевают всякое внутреннее и внешнее сопротивление, которое может возникнуть в процессе. Стойкость перед лицом грозящих испытаний — признак чувства возвышенного. Поэтому *из перспективы субъекта* энтузиазм можно назвать *эстетически возвышенным*.

Однако есть еще кое-что, что обращает на себя внимание и смущает. Речь идет о цитируемом тезисе Канта, что энтузиазм, вдохновленный идеями, обладает более мощной и более продолжительной мотивирующей силой, чем «побуждение, получаемое от чувственных представлений» (AA 05, S. 272; Кант, 2001, с. 323). Впечатляющим примером тому является рассказ Руссо о его вдохновленном опыте по дороге из Парижа в Венсен, куда она направилась, чтобы навестить заключенного в тюрьму Дидро после того, как прочитал конкурсный вопрос Дижонской академии, — Кант наверняка знал этот рассказ. В крайнем волнении Руссо осознает свое призвание как критика культуры; и это, как пишет Руссо в «Исповеди», вызвано «энтузиазмом истины, свободы и добродетели», то есть идеями, которые являются идеями истины, свободы и добродетели, и Руссо подчеркивает, что этот энтузиазм длился более четырех или пяти лет, что для него в высшей степени удивительно (Руссо, 1961, с. 306; см.: Schramke, 2018, S. 80).

Что касается определения энтузиазма у Канта, то концептуальные проблемы очевидны: акцент Канта (и Руссо) на длительности этого состояния несовместим с характеристикой быстро проходящей экзальтации энтузиазма. По той же причине нельзя предположить, что энтузиазм, который действует постоянно, — это что-то вроде непрерывного горячечного бреда. Постоянно действующий энтузиазм не может всегда быть слепым и безудержным в выборе и достижении целей, без практических принци-

pleasure brought about by it. These increases are initiated by the vision of being able to happily realise certain practical ideas, which are related to the idea of the good and which surpass all the contents of experience. These occur of their own accord through “a stretching of the powers” and successfully overcome all inner and outer resistance that may arise in the process. Standing firm in the face of threatening obstacles is the sign of the feeling of the sublime. Therefore, *from the perspective of the subject*, enthusiasm can be called *aesthetically sublime*.

However, something else is remarkable and irritating. This is Kant’s cited thesis that enthusiasm inspired by ideas has a motivating force that is greater and more enduring “than the impetus given by sensory representations” (KU, AA 05, p. 272; Kant, 2000, p. 154). An impressive example of this, which Kant must have been aware of, is Rousseau’s account of his inspirational experience on the way from Paris to Vincennes to visit the imprisoned Diderot. Here he read the prize question of the Academy in Dijon. In extreme excitement, Rousseau recognises his vocation as a writer of cultural criticism; and it is, as Rousseau writes in the *Confessions*, borne by an “enthusiasm for truth, for liberty, for virtue”, i.e. by ideas, which are the ideas of truth, liberty and virtue, and Rousseau emphasises that this enthusiasm lasted for more than four or five years — something highly astonishing for him (Rousseau, 1995, p. 295; cf. Schramke, 2018, p. 80).

With regard to Kant’s definition of enthusiasm, the conceptual problems are clear: Kant’s (and Rousseau’s) emphasis on duration is not compatible with the characteristic of the quickly passing exaltation of enthusiasm. For the same reason it cannot be assumed that an enthusiasm that is permanently effective is something like a permanently feverishly

пов и суждений, позволяя своему носителю увлекаться своими действиями, имея в виду только идею блага и не задумываясь о том, как это благо может быть реализовано. Действуя таким образом, он скорее потерпит неудачу, чем достигнет благой цели. Такой иррациональный, бесцельный, слепо-безумный сценарий явно не то, что подразумевается, когда мы говорим о длительном импульсе, который энтузиазм придает уму. Если энтузиазм, направленный на реализацию идеи добра, должен быть сильным и постоянно действующим, то он должен быть способен принимать долгосрочные намерения и действовать в соответствии с общими принципами разума и под руководством практической силы суждения, что, однако, невозможно примирить с неразумным аффективным характером энтузиазма. Неясно, как можно разрешить наблюдаемое здесь несоответствие между двумя противоречащими друг другу описаниями энтузиазма — как патологического и как благородного. Представляется, что в более поздних высказываниях Канта содер­жится перспектива, которая может способствовать решению этой проблемы.

Истинный энтузиазм

Здесь интересны два контекста: с одной стороны, комментарий Канта к Французской революции в его работе 1798 г. «Спор факультетов» (AA 07, S. 79–94; Кант, 2024г, с. 324–340)⁴, а с другой — размышления об энтузиазме в «Антропологии в прагматическом отношении», который Кант теперь называет *энтузиазмом доброго намерения* (AA 07, S. 254; Кант, 2024а, с. 309). В «Споре факультетов» под впечатлением от событий Французской революции и восторженного отклика на них в Европе

⁴ Я не буду углубляться в спор между юридическим и философским факультетами и в проблему их отношения к правящей власти в государстве, что обсуждает Кант на этих страницах (см.: Scheerlinck, 2017, S. 442–449).

overheated delirium. Therefore, enthusiasm that is permanently effective cannot always be blind and unbridled in its choice of purpose or execution, without practical principles and judgement, having only the idea of the good in one's mind, allowing oneself to be carried away in action, as it were, without reflecting on how the good one is striving for can be achieved. In doing so, the good end is more likely to be missed than achieved. Such an irrational, aimless, blindly frenzied scenario is obviously not what is meant when we talk about the lasting *impetus* that enthusiasm gives to the mind. If enthusiasm for the realisation of the idea of the good is to be strong and permanently effective, then it must be able to adopt long-term intentions and act according to general principles of reason and under the guidance of a practical power of judgement. However, this cannot be reconciled with the unreasonable affect character of enthusiasm. It is not clear how the inconsistency observed here between two conflicting descriptions of enthusiasm, the pathological and the noble enthusiasm, can be resolved. It seems that Kant's later remarks contain a perspective that can contribute to solving this problem.

True Enthusiasm

Two contexts are of interest here: on the one hand, Kant's commentary on the French Revolution in his 1798 writing *The Contest of the Faculties* (SF, AA 07, pp. 79-94; Kant, 2006a)⁴ and, on the other hand, a reflection on enthusiasm in the *Anthropology from a Pragmatic Point of View*, which Kant now calls an *enthusiasm of good resolution* (*Enthusiasmus des guten Vorsatzes*) (Anth, AA 07, p. 254; Kant, 2007a, p. 356). In *The Contest of the Faculties*

⁴ I will not go into the dispute between the Faculty of Law and the Faculty of Philosophy and their relationship to the ruling power of the state, which Kant negotiated (see Scheerlinck, 2017, pp. 442–449).

Кант обнаруживает удивительно позитивное отношение к энтузиазму. Здесь он с нескрываемой симпатией признает всеобщее одобрение, проявившееся в солидарности народов Европы с целями революции во Франции (AA 07, S. 85; Кант, 2024г, с. 330). В публичном выражении поддержки ведущим идеям революции Кант видит «в сердцах всех зрителей (не вовлеченных в эту игру) граничащее с энтузиазмом *сочувствие* ее чаяниям» (AA 07, S. 85; Кант, 2024г, с. 330–331), которое, поскольку зрители не уклоняются от риска опасности и преследования при публичном выражении своей симпатии, не может быть истолковано иначе, чем как признак прогресса в формировании общего морального характера (AA 07, S. 85; Кант, 2024г, с. 330). Очевидно, что вердикт философа в отношении морального качества энтузиазма здесь заметно смягчен — даже если Кант признает, что он «не заслуживает полного одобрения, ибо аффект как таковой достоин порицания» (AA 07, S. 86; Кант, 2024г, с. 331). Причина в том, что общая симпатия к благим моральным и правовым целям революции остается созерцательной — это лишь «сочувствие чаяниям» — и не входит в область действия (AA 07, S. 87; Кант, 2024г, с. 333).

И еще один значимый аспект. Ранняя формула Канта об энтузиазме как соединенном с аффектом сочувствии доброду, которая вновь используется здесь (AA 07, S. 86; Кант, 2024г, с. 331), теперь обретает новый смысл и оценку под названием «истинный энтузиазм» (AA 07, S. 86; Кант, 2024г, с. 332). «Истинный энтузиазм» и проявляющееся в нем «душевное величие» (Там же) заключаются в том, что не определяются материальными благами, но вдохновляются *априорными* рациональными идеями права и принципами морали. Это и есть характеристика истинного энтузиазма: «...истинный энтузиазм всегда тяготеет к *идеальному*, причем чисто моральному, к такому, как поня-

under the impression of the events of the French Revolution and their inspired response in Europe, Kant reveals a remarkably positive attitude towards enthusiasm. Here he acknowledges with undisguised sympathy the general applause shown in the solidarity of the peoples of Europe towards the goals of revolution in France (SF, AA 07, p. 85; Kant, 2006a, p. 155). In the public expression of support for the leading ideas of the revolution, Kant sees “in the hearts of all its spectators (who themselves are not involved in the show) [...] a degree of *sympathy* in wish that borders on enthusiasm” (*ibid.*), and which, since the spectators do not shy away from the risk of danger and persecution in the public expression of their sympathy, cannot be interpreted in any other way than as a sign of progress in the formation of a general “moral character” (*ibid.*). It is clear that Kant’s verdict on the moral quality of enthusiasm is noticeably toned down here — even if Kant admits that “it is not to be approved of, since all affect as such is deserving of rebuke” (SF, AA 07, p. 86; Kant, 2006a, p. 156). The reason for this is that the general sympathy for the good moral and legal goals of the revolution remains contemplative — it is only a ‘sympathy in wish’ —, and does not enter the field of action (SF, AA 07, p. 87; Kant, 2006a, p. 157).

And yet another point is significant. Kant’s early formula of enthusiasm as participation in the good with affect, which is taken up again here (SF, AA 07, p. 86; Kant, 2006a, p. 156), is now given a new meaning and appreciation under the title of “true enthusiasm” (*ibid.*). The “true enthusiasm” and the “greatness of spirit” (*ibid.*) that is manifested in it consist in the fact that they are not determined by material goods, but are inspired by the *a priori* rational ideas of right and principles of morality. This is the characteristic of true enthusiasm: “true enthusiasm is aimed solely at the *ideal* and,

тие права» (Там же)⁵. Чисто моральной причиной такого рода эмоциональной партийности является идея суверенитета народа. Она выражается в утверждении права народа дать себе республиканскую конституцию. Законность и моральное качество принципов этой конституции должны обеспечиваться недопущением агрессивных войн, и таким образом, несмотря на «всю... слабость» «человеческого рода», препятствия для «движения к лучшему... по крайней мере, устранены» (Там же). Таковы причины сочувствия публики, а также мотивы революционеров (Там же)⁶.

Энтузиазм как исторический знак

Однако вышесказанное не выражает решающего систематического значения этого истинного энтузиазма. С идеей свободы и ее реализацией в республиканской конституции, что вызвало энтузиазм по всей Европе, и сопутствующим изменением общественного мнения в мире появилось нечто, что, как утверждает Кант, «не может быть забыто, потому что оно вскрыло в человеческой природе задаток и способность к лучшему» (AA 07, S. 88; Кант, 2024г, с. 334; пер. уточнен. — Пер.) и потому что «данное событие слишком велико, слишком переплетено с интересами человечества и по своему влиянию слишком распространилось на мир во всех его частях» (Там же). Поэтому всеобщий горячий энтузиазм по отношению к идее свободы и усилиям по ее конституционной институционализации в то же время есть символ оправданной надежды на постепенное, хотя и часто затрудненное, осуществление и распространение свободы «на все наро-

⁵ Согласно Канту, право — это *априорный* порядок свободы действий. «Принцип права» гласит: «Правым является любой поступок, который или согласно максиме которого свобода произволения каждого совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом» (AA 06, S. 230; Кант, 2014, с. 89).

⁶ Об отношении Канта к Французской революции см.: (Pleger, 1989; Seebom, 1993).

indeed, at the purely moral, to which the concept of right belongs” (*ibid.*)⁵ The purely moral cause for this kind of emotional partiality is the idea of the sovereignty of the people. It is expressed in the assertion of the right of a people to give itself a republican constitution. The legality and moral quality of the principles of this constitution are to be ensured by avoiding wars of aggression and thus, despite “all [...] frailty” of the “human race”, the “progress toward the better” is “at least not [...] disturbed” (*ibid.*). These are the reasons for the public’s sympathy as well as the motives of the revolutionaries (*ibid.*)⁶.

Enthusiasm as a Historical Sign

However, this does not express the decisive systematic significance of this true enthusiasm. With the Europe-wide enthusiastic response to the idea of freedom and its realisation in a republican constitution and the accompanying change in public opinion, something has come into the world, as Kant states, that “*will not be forgotten*”, because “it has uncovered a predisposition and power toward the better in human nature” (SF, AA 07, p. 88; Kant, 2006a, p. 158; translation corrected — J.S.), and because “that event is too great, too bound up with the interest of humanity, and too widespread in its influence throughout the world” (*ibid.*). Therefore, the general sympathetic enthusiasm for the idea of freedom and the efforts for its constitutional institutionalisation is at the same time a symbol of the justified hope for a gradual, albeit often impeded, realisation and spread of freedom

⁵ According to Kant, right is an a priori order of freedom of action. The “Principle of Right” is: “Any action is right if it can coexist with everyone’s freedom in accordance with a universal law, or if on its maxim the freedom of choice of each can coexist with everyone’s freedom in accordance with a universal law” (MS RL, AA 06, p. 230; Kant, 1999a, p. 387).

⁶ As to Kant on the French Revolution see Pleger (1989) and Seebom (1993).

ды Земли» (AA 07, S. 89; Кант, 2024г, с. 334). Не событие революции во Франции как таковое, а «образ мыслей зрителей» (AA 07, S. 85; Кант, 2024г, с. 330) и их энтузиазм в отношении идеи свободы и реализации гражданской конституции становятся универсально-историческим и в то же время космополитическим, памятным и прогностическим «историческим знаком» (AA 07, S. 84; Кант, 2024г, с. 330)⁷. Задача правительства — понять этот исторический знак и ответить на него реформами. Эта задача соответствует тезису Канта о том, что запрет на свободу мнений и публикаций, а также на информирование общества о несправедливости существующих законов препятствует прогрессу к лучшему (AA 07, S. 89; Кант, 2024г, с. 335; см.: Muglioni, 2024).

Следует отметить еще один аспект. Кантовская оценка относится не только к энтузиазму зрителей, проникнутых сочувствием и ярким желанием активного участия, но и к самим революционерам, под которыми он, вероятно, имел в виду безымянных граждан-солдат, а не партийных функционеров. Здесь Кант говорит об «энтузиазме правоутверждения человеческого рода» (AA 07, S. 86 Anm.**; Кант, 2024г, с. 332, примеч.). И он без колебаний сравнивает жестокость оружия тех, кто взялся защищать право народа и положил его в основу республиканской конституции, с жестокостью оружия античного бога Вулкана, цитируя строку из «Энеиды» Вергилия: «...смертная сталь, словно хрупкий лед, раскололась»⁸. Однако оценка Канта неоднозначна. Ведь то, о чем он, пусть и не в данном контексте, не забывает упомянуть, — это другая, негативная сто-

⁷ Кант добавляет в скобках: «*signum rememorativum, demonstrativum, prognostikon*».

⁸ У Канта: «*Postquam ad arma Vulcania ventum est, – mortalis mucro glacies ceu futilis ictu dissiluit*». Буквально цитата читается: «*Postquam arma dei ad Volcania ventum est, mortalis mucro...*» (Virgil. Aeneid. 12: 739–741). Ср.: «...Только лишь он скрестился с железом Вулкана, / Тотчас же смертная сталь, словно хрупкий лед, раскололась» (Вергилий, 1979, с. 397). См.: (Schramke, 2018, S. 315–317).

“among all the peoples of the earth” (SF, AA 07, p. 89; Kant, 2006a, p. 158). It is not the event of the Revolution in France as such, but rather “the spectators’ mind-set” (SF, AA 07, p. 85; Kant, 2006a, p. 155) and their enthusiasm for the idea of freedom and for the realisation of a civil constitution that thus become a universal-historical and at the same time cosmopolitan, commemorative and prognostic “Historical Sign” (SF, AA 07, p. 84; Kant, 2006a, p. 154).⁷ It is up to the government to understand this historical sign and to respond to it through reforms. This corresponds to Kant’s thesis that the prohibition of freedom of opinion and publication and of public information about the injustice of existing laws prevents progress for the better (SF, AA 07, p. 89; Kant, 2006a, p. 159; cf. Muglioni, 2024).

There is yet another aspect to be mentioned. Kant’s appreciation applies not only to the enthusiasm of the spectators, borne by sympathy and the vivid desire for active participation, but also to the revolutionaries themselves, by whom he probably meant the anonymous citizen-soldiers rather than the party functionaries. Here Kant speaks of an “enthusiasm for the assertion of right for the human race” (SF, AA 07, p. 86n**; Kant, 2006a, p. 156n**). And he does not hesitate to compare the violence of the weapons of those who undertook to defend the right of the people and made it the basis of a republican constitution with the violence of the weapons of the ancient god *Vulcanus*, quoting a line from Virgil’s *Aeneid*, “the mortal sword broke like brittle ice”.⁸ However, Kant’s

⁷ Kant adds in brackets: “*signum rememorativum, demonstrativum, prognostikon*”.

⁸ “*Postquam ad arma Vulcania ventum est, – mortalis mucro glacies ceu futilis ictu dissiluit*.” Cf. “When it came up against the weapons of Vulcan, the mortal sword broke like brittle ice” (Kant, 2006, p. 156n**). Literally the quotation reads: “*Postquam arma dei ad Volcania ventum est, mortalis mucro glacies ceu futilis ictu dissiluit*” (Virgil, Aeneid, 12:739-741). See Schramke (2018, pp. 315-317).

рона медали, объясняющая вышеупомянутое, довольно случайное замечание о порицании и неодобрении всякого аффекта. Речь идет об иррациональном, аффективно-экзальтированном характере энтузиазма, который проявляется в революционных *действиях*, таких как террор, и который сам подрывает благое намерение, выбирая неверные средства. Кант напоминает нам об этом в своей «Антропологии...»: «Обратная сторона медали — это *живость*, недостаточно сдерживаемая обдуман-ными принципами... и заразительный *дух свободы*, увлекающий в свою игру даже и сам разум и производящий в отношениях народа к государству сотрясающий все энтузиазм, доходящий до крайности...» (AA 07, S. 313–314; Кант, 2024а, с. 373). Последняя формулировка, вероятно, относится к публичной казни Людовика XVI, для Канта — одному из величайших преступлений его времени (см.: AA 06, S. 321 Anm.; Кант, 2014, с. 331). Таким образом, оценка Кантом этого истинного энтузиазма остается двойственной. Несмотря на его сочувствие восторженному отклику народа на цели революции, которую он интерпретирует как «исторический знак», аффективный характер энтузиазма допускает злоупотребления, когда дело доходит до действий, поскольку он может привести к совершению аморальных или несправедливых поступков. Поэтому энтузиазм не может быть признан в качестве морального принципа. Но это не последнее слово Канта.

Энтузиазм доброго намерения

В «Антропологии...» Кант вновь обращает-ся к теме энтузиазма, и снова в контексте раз-мышлений о моральном качестве апатии. В свя-зи с учениями Стои он превозносит требование безразличия к аффектам как «совершенно пра-вильное и возвышенное моральное основополо-жение», поскольку аффект — здесь Кант просто повторяет свое прежнее высказывание — «слеп»

appreciation is ambivalent. For what Kant, even if not in the present context, does not fail to mention is the other negative side of the coin. It explains the above-mentioned, rather casual remark of censure and disapproval of all affect. This is the irrational, affectively exalted character of enthusiasm which comes across in revolutionary *actions* such as the *Terreur* and which self-destructively destroys good intention by choosing the wrong means. Kant reminds us of this in his *Anthropology*: “The other side of the coin is a *vivacity* that is not sufficiently kept in check by considered principles, and [...] an infectious *spirit of freedom*, which probably also pulls reason itself into its play, and, in the relations of the people to the state, causes an enthusiasm that shakes everything and goes beyond all bounds” (*Anth*, AA 07, pp. 313-314; Kant, 2007a, p. 409). The last formulation probably refers to the public execution of Louis XVI, for Kant one of the greatest crimes of his time (see *MS RL*, AA 06, p. 321n; Kant, 1999a, p. 464n). Thus, Kant’s assessment of that true enthusiasm remains ambivalent. Despite his sympathy for the people’s enthusiastic reaction to the goals of the revolution which he interpreted as a “Historical Sign”, the affective character of enthusiasm is open to abuse when it comes to action insofar as it may lead to commit immoral or unjust actions. Therefore enthusiasm cannot be recognised as a moral principle. But that is not Kant’s final word.

Enthusiasm of Good Resolution

In *Anthropology from a Pragmatic Point of View*, Kant once again addresses enthusiasm. This again takes place in the context of reflections on the moral quality of apathy. With regard to the doctrines of the Stoa, Kant praises the requirement of indifference to affects as “an entirely correct and sublime moral principle”, since affect — here Kant merely

к принципам и мешает достижению собственных целей (AA 07, S. 253; Кант, 2024а, с. 308). Последующий, антропологически ориентированный аргумент опять вводит новое понятие энтузиазма. Это понятие *энтузиазма доброго намерения* (AA 07, S. 254; Кант, 2024а, с. 309). Оно трактуется как естественная предрасположенность к аффекту, который, пока разум не развился в достаточно мощную силу, позволяющую ему «держат поводья» (AA 07, S. 253; Кант, 2024а, с. 308), берет на себя функцию «предварительного суррогата разума» (Там же). При этом «моральные мотивы к добру» должны быть дополнены «мотивом патологического (чувственного) побуждения» «для оживления» (Там же).

В следующем рассуждении объясняется, как это можно понять и как может произойти такое оживление. Примечательно, что здесь *разум* выступает в качестве причины в согласии с воображением, поскольку воображение обеспечивает подходящие разумные представления в виде конкретных примеров для идеи блага — Кант упоминает «духовные или... политические речи к народу» или «в одиночестве к самому себе» (AA 07, S. 254; Кант, 2024а, с. 309), что можно дополнить обращением к литературным или музыкальным произведениям, например к драмам Шиллера (вспомним «Заговор Фиеско в Генуе», «Дон Карлос» или «Вильгельм Телль»), «Волшебной флейте» Моцарта или «Фиде лио» Бетховена, — достаточно назвать лишь несколько произведений эпохи Канта. Таким образом, обращаясь к чувственно-конкретным представлениям, которые определяются идеей блага и его реализацией, разум может, в согласии с воображением, быть косвенной причиной аффекта, который «оживляет душу» «в отношении к добру» (Там же). К этому добавляется уже знакомое объяснение, что «разум все еще удерживает поводья» (Там же). Эта метафора подразумевает, что не только содержание взглядов определяется разумом, но и предполагаемые действия управ-

repeats his earlier statement — is “blind” to principles and thwarts the pursuit of one’s own ends (*Anth*, AA 07, pp. 253; Kant, 2007a, p. 355). The subsequent, anthropologically orientated argument once again introduces a new concept of enthusiasm. This is the concept of an *enthusiasm of good resolution* (*Anth*, AA 07, p. 254; Kant, 2007a, p. 356). It is interpreted as a natural disposition to an affect that, before reason has developed into a sufficiently strong force which enables it to “handle the reins” (*Anth*, AA 07, p. 253; Kant, 2007a, p. 355), takes on the function of “a temporary surrogate of reason” (*ibid.*). With this “the moral incentives for the good” are to be supplemented by “the incentive of pathological (sensible) impulse” “for the purpose of enlivening us” (*ibid.*).

The following consideration explains how this may be understood and how such a revitalisation can take place. It is remarkable that here *reason* is the cause in concordance with the imagination, in that the imagination provides suitable sensible views in the form of concrete examples for the idea of the good — Kant mentions “spiritual or political speeches to the people” or their “solitary speeches to oneself” (*Anth*, AA 07, p. 254; Kant, 2007a, p. 356), to be supplemented by appealing to literary or musical works of art, e.g. Schiller’s dramas (one may think of *The Conspiracy of Fiesco in Genoa*, *Don Carlos* or *Wilhelm Tell*), Mozart’s “*Magic Flute*” or Beethoven’s “*Fidelio*”, to name just a few works from Kant’s time. In this way, by referring to sensible-concrete views that are determined by the idea of the good and its realisation, reason can, in agreement with the imagination, be the indirect cause of an affect that is ‘soul-enlivening’ “in respect to the good” (*ibid.*). To this is now added the already familiar explanation that “reason still always handles the reins” (*ibid.*). What is meant by this metaphor is that not only the content of the views is determined

ляются принципами разума. Таким образом сформулированы основные характеристики понятия «энтузиазм доброго намерения». Они дополняются следующим пояснением, которое не следует упускать из виду: Кант подчеркивает, что энтузиазм доброго намерения — это не «аффект», который является «более сильным физическим *чувством*», превосходящим действие разума и препятствующим спокойному обдумыванию, а скорее он относится к «*способности желания*» (Там же)⁹.

Этими объяснениями Кант, очевидно, внес новый будоражащий сдвиг в значение термина «энтузиазм». Самое серьезное изменение состоит в том, что энтузиазм теперь вообще не рассматривается как аффект и приписывается скорее способности желания, чем чувственности. С отрицанием этих двух существенных характеристик само понятие как бы аннулируется. Следующее, не менее серьезное изменение можно увидеть в том, что теперь разум определяет не только объект, идею блага, которую следует живейшим образом конкретизировать

⁹ Р. Кьюис видит в этом двусмысленность и пытается разрешить ее, предполагая, что Кант склоняется к тому, что это «аффект, который может привести к страсти» (Clewis, 2018, p. 193). Кьюис ссылается на примечание Канта из ранних «Заметок к “Наблюдениям над чувством прекрасного и возвышенного”»: «Страсть к возвышенному — это энтузиазм» (AA 20, S. 43). Однако более позднее описание страсти у Канта вряд ли совместимо со значением и функцией энтузиазма доброго намерения: согласно Канту, страстная личность определяется склонностью, поэтому она не свободна и не доступна моральным принципам (AA 07, S. 266; Кант, 2024а, с. 232). Подверженность страстям — это всегда «*болезнь души*», которая «исключает господство разума» (AA 07, S. 251; Кант, 2024а, с. 306). Поэтому Кант рассматривает страсти как неизлечимые «*раковые язвы для чистого практического разума*» (AA 07, S. 266; Кант, 2024а, с. 232). Это, очевидно, противоположно тому, что Кант называет энтузиазмом доброго намерения. И мы также не можем предположить, что Кант мог бы всерьез говорить о страсти к добру (см.: AA 09, S. 486–487; Кант, 1994, с. 448). Поэтому приписывать Канту здесь в тенденции переход от аффекта к страсти представляется неубедительным. Более уместно предположить новое значение энтузиазма. Ниже это станет яснее. О кантовских учениях об эмоциях и страстях см.: (Sorensen, 2002; Newmark, 2008).

by reason, but also the intended actions are governed by principles of reason. The essential characteristics of the concept of an enthusiasm of good resolution are thus stated. They are supplemented by the following explanation which should not be overlooked: Here Kant emphasises that the enthusiasm of good resolution is not actually “an affect”, which is a “stronger sensible *feeling*” that surpasses the effects of reason and prevents calm deliberation, but rather belongs to “the *faculty of desire*” (*ibid.*)⁹.

With these explanations, Kant has evidently made a new and irritating shift in the meaning of the term *enthusiasm*. The most serious change consists in the fact that this enthusiasm is now no longer considered an affect at all and is attributed to the faculty of desire rather than sensibility. With the negation of these two essential characteristics, the concept itself seems to be cancelled. A further, no less serious change can be seen in the fact that reason not only determines the object, the idea of the good,

⁹ Clewis (2018, p. 193) sees an ambiguity in this point and attempts to resolve it by assuming a tendency on Kant’s part that this is “an affect that can lead to a passion”. Clewis refers to a note by Kant from the early “Remarks on the Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime”: “The passion of the sublime is enthusiasm” (BGSE, AA 20, p. 43; Kant, 2011, p. 95). However, Kant’s later description of passion seems hardly to be compatible with the meaning and function of the enthusiasm of good resolution: Following Kant, the passionate person is determined by an inclination, therefore, it is not free and not accessible to moral principles (*Anth*, AA 07, p. 266; Kant, 2007a, p. 368). Being subject to passions is always an “illness of the mind” that “shut[s] out the sovereignty of reason” (*Anth*, AA 07, p. 251; Kant, 2007a, p. 354). So Kant sees passions as incurable “cancerous sores for pure practical reason” (*Anth*, AA 07, p. 266; Kant, 2007a, p. 367). This is obviously the opposite of what Kant calls the enthusiasm of good resolution. And we can also not assume that Kant would be able to speak seriously of a passion for the good (see *Päd*, AA 09, pp. 486–487; Kant, 2007d, p. 474). Therefore, it seems to be not convincing to attribute to Kant a tendency from affect to passion here. It seems more appropriate to assume a new meaning of enthusiasm. This will become clearer below. As to Kant’s theories of emotion and passion, see Sorensen (2002) and Newmark (2008).

примерами, но и принципы, лежащие в основе выполнения действий, через которые реализуется благо. Используя метафору разума, удерживающего поводья, Кант применяет здесь ту же формулировку, которую ранее *исключил* из определения энтузиазма, принимая по внимания действия, иницируемые последним. Таким образом, и в этом отношении энтузиазм лишается иррациональной аффективности. Если действия определяются принципами разума, то свой сугубо преходящий характер он в конечном счете также утрачивает. В связи с этим еще более остро встает вопрос о том, по какому праву и в каком смысле понятие энтузиазма вообще может получить позитивную интерпретацию.

Пример в «Учении о методе чистого практического разума»

Этот вопрос имеет самостоятельное систематическое значение. Он занимает свое место в «Учении о методе чистого практического разума», второй части «Критики практического разума». В «Учении о методе...» обсуждается «способ, каким можно было бы содействовать *проникновению* законов чистого практического разума в человеческую душу и *влиятию* на его максимы...» (AA 05, S. 151; Кант, 1997, с. 697) и тем самым, можно добавить, противостоять вышеупомянутым катастрофическим вырождениям энтузиазма. Это можно понимать как систематически обоснованное уточнение для использования примеров, предложенных Кантом в «Антропологии...». «Оживление воли» (AA 07, S. 254; Кант, 2024а, с. 309), которому способствуют примеры, — это способ, с помощью которого благо, как выражается Кант, «следует донести до человеческого сердца» (AA 05, S. 152; Кант, 1997, с. 701). Поэтому мы можем ожидать, что размышления Канта о методе чистого практического разума прольют свет на поставленный вопрос.

which is to be demonstratively concretised through examples, but also the principles behind the execution of the actions through which the good is realised. With the metaphor of reason guiding the reins, Kant uses the same formulation here that he had formerly *excluded* from the definition of enthusiasm in view of actions initiated by the latter. In this respect, too, the character of an irrational affect is thus cancelled. If the actions are determined by principles of reason, the merely transitory character of enthusiasm is ultimately also cancelled. This raises the question all the more urgently with what right and in what sense the concept of enthusiasm can be given a positive interpretation at all.

The Example in the “Doctrine of the Method of Pure Practical Reason”

This question has an independent systematic significance. It has its place in the “Doctrine of the Method of Pure Practical Reason”, the second part of the *Critique of Practical Reason*. The “Doctrine of the Method” discusses “the way in which one can provide the laws of pure practical reason with *access* to the human mind and *influence* on its maxims [...]” (*KpV*, AA 05, p. 151; Kant, 1999b, p. 261) — and thus, it could be added, counteract those catastrophic degenerations of enthusiasm. It can be understood as a systematically grounded precision of the use of examples proposed by Kant in the *Anthropology*. The “enlivening of the will” (*Anth*, AA 07, p. 254; Kant, 2007a, p. 356), promoted by examples, is the way in which the good, as Kant expresses it here, is “brought to bear on the human heart” (*KpV*, AA 05, p. 152; Kant, 1999b, p. 262). We can therefore expect Kant’s reflections on the method of pure practical reason to shed light on the above question.

Ожидание оказывается оправданным, поскольку Кант сам приводит и обсуждает пример, демонстрирующий моральные качества добродетельного характера. Это «история честного человека», которого заставляют «участвовать в клевете на невинного... человека» (AA 05, S. 155; Кант, 1997, с. 709) несколькими, все более серьезными угрозами, затрагивающими его личность, его семью и в конечном итоге все его счастье в жизни, но который твердо придерживается своего «намерения быть честным» (AA 05, S. 156; Кант, 1997, с. 711). Для нашего контекста важен в этом примере и его драматургии комментарий Канта к прогнозируемой реакции вымышленного, по случайности юного, слушателя или читателя. Она варьируется от простого одобрения к удивлению и восхищению до «величайшего благоговения» и «сильного желания» «быть таким же человеком» (AA 05, S. 156; Кант, 1997, с. 711). Эти эмоциональные реакции и «сильное желание» быть похожим на него или, как выражается Кант, «удивление и даже стремление подражать такому характеру» (AA 05, S. 156; Кант, 1997, с. 713), в основе которого в конечном счете — его идентификация с непоколебимой добродетелью этого человека, можно рассматривать как интерпретацию не упомянутого здесь энтузиазма доброго намерения.

Однако аффекта в определенном смысле здесь нет, о чем говорит выражение «сильное желание». Желание не возникает как аффект и быстро исчезает. Его сила здесь скорее означает качество интенсивно переживаемого, твердого намерения реализовать моральное благо, то есть доброе намерение. То, что чистый практический разум будет «удерживать поводья» в воображаемой реализации идентифицирующего желания добродетельного образа жизни, можно заключить из морального содержания повествования, которое ярко изображает постоянное утверждение «чистоты нравственного принципа» (Там же), преодолевающего все препятствия.

The expectation proves to be justified insofar as Kant himself presents and discusses an example that demonstrates the moral quality of a virtuous character. It is the “story of an honest man” who is forced to “join the calumniators of an innocent [...] person” (*KpV*, AA 05, pp. 155; Kant, 1999b, p. 264) by several, increasingly severe threats that affect his person, his family and ultimately his entire happiness in life, but who steadfastly adheres to his “resolution to be truthful” (*KpV*, AA 05, pp. 156; Kant, 1999b, pp. 264-265). For our context, Kant’s commentary on the predicted reaction of the fictitious, incidentally youthful, listener or reader in the example and its dramaturgy is important. It ranges in stages from mere approval to admiration and amazement, to “the greatest veneration and a lively wish [...] [to] be such a man” (*KpV*, AA 05, p. 156; Kant, 1999b, p. 265). These emotional reactions and the “lively wish” to be like this person or, as Kant puts it, the “admiration and even endeavour to resemble this character” (*ibid.*), which is ultimately based on identification with the person’s unshakeable virtue, may be regarded as an interpretation of the enthusiasm of good resolution not mentioned here.

However, an affect in the defined sense is not present here, as the expression “lively wish” says. It does not arise like an affect and quickly fades away. Its vividness here rather means the quality of an intensely experienced, firm intention to realise the morally good, i.e. a good resolution. The fact that pure practical reason will ‘handle the reins’ regards the imagined realisation of the identificatory wish for a virtuous lifestyle can be inferred from the moral content of the narrative, which vividly depicts the constant assertion of “the purity of the moral principle” (*ibid.*) that overcomes all obstacles.

From this an interpretation of the rational content of Kant’s expression of enthusiasm

Отсюда можно сделать вывод о рациональном содержании кантовского выражения «энтузиазм доброго намерения». Речь идет о комплексе эмоциональных реакций, которые как бы отлаживаются или низводятся до уровня правил чистого практического разума. Это происходит благодаря рациональной идее добра и ее чувственному воплощению, что связано с признанием и принятием морального умонастроения. Через конкретные примеры непоколебимого утверждения добродетельного характера, через обращение к идее добра «порыв безграничной способности воображения» сдерживается, «чтобы не дать ей возвыситься до энтузиазма» (AA 05, S. 274; Кант, 2001, с. 329). Поэтому энтузиазм доброго намерения не может быть слепым и буйным аффектом. Что же он тогда такое?

Если считать, что описанные эмоциональные реакции — удивление, восхищение, благоговение — относятся к области чувства возвышенного, то можно дать положительную характеристику энтузиазму доброго намерения. Это выражение чувства нравственно возвышенного, вызванного конкретными представлениями или яркими примерами. Чувство возвышенного в моральном плане — это субъективная реакция на представление о превосходстве нравственного характера и безусловном признании морального закона над всеми детерминантами чувственности — или, говоря словами Канта, «все, что люди только могут причислить к счастью» (AA 05, S. 156; Кант, 1997, с. 713). Приведенный выше пример демонстрирует такой нравственный характер.

Однако пример лишь тогда выполняет свою задачу, когда он не только понимается как наставление о нравственной силе человеческой природы и способствует восхищению таким характером, но и когда он приводит к формированию постоянного нравственного умонастроения у самого адресата и делает его основой жизненного поведения последнего. В этом кон-

for good resolution can be derived. It refers to a complex of emotional reactions that are, as it were, tuned down or brought down to the level of the rules of pure practical reason. This is done by the rational idea of the good and its sensibilisation, and this is connected with the recognition and adoption of the moral disposition. Through the concrete examples of the unshakeable assertion of virtuous character, with reference to the idea of the good, the “the momentum of an unbounded imagination” is moderated in order “not to let it reach the point of enthusiasm” (*KU*, AA 05, p. 274; Kant, 2000, p. 156). Therefore, the enthusiasm of good resolution cannot be a blind and exuberantly affected. What is it then?

If one considers that the emotional reactions described — admiration, amazement, veneration — belong to the realm of the feeling of the sublime, then a positive characterisation of the enthusiasm of good resolution can be gained. It is an expression of the feeling of the morally sublime, brought about by concrete views or vivid examples. The feeling of the sublime in moral terms is the subjective response to the notion of the superiority of a moral character and the unconditional recognition of the moral law over all determinants of sensibility — or, to put it in Kant’s words, “everything that people may reckon only to happiness” (*KpV*, AA 05, p. 156; Kant, 1999b, p. 265). The example demonstrates such a moral character.

However, the example only fulfils its purpose when it is not only understood as an instruction on the moral power of human nature and promotes the admiration of such a character, but also when it leads to the promotion of a constant moral attitude in the addressee himself and makes it the basis of his own conduct of life. In this context, Kant refers to the theorem of the feeling of respect for the moral law. It is this feeling that is the driving

тексте Кант ссылается на учение о чувстве уважения к моральному закону. Именно это чувство является движущей силой нравственного поведения. Если учесть, что Кант неоднократно описывает эффект чувства уважения к моральному закону в связи с его превосходством над «бренной природой» в терминах возвышенного — например, он говорит о «торжественном величии» и «великолепии» (*Herrlichkeit*) морального закона (AA 05, S. 77; Кант, 1997, с. 483), — то чувство уважения, в свою очередь, является чувством морально возвышенным. То, что Кант на первый взгляд ошибочно называет энтузиазмом доброго намерения, является, таким образом, не иррациональным аффектом, а обусловленным разумом чувством морально возвышенного. Однако оно не тождественно чувству уважения к моральному закону и его нельзя путать с ним. Энтузиазм доброго намерения — это его пропедевтический предшественник. Именно морально возвышенное чувство уважения ориентировано на наглядные составляющие нравственности и осуществляется через них, хотя его моральное качество определяется не ими, а функцией чистого практического разума. В этом смысле, по отношению к чувственно-наглядным содержаниям и к чувству удовольствия, возникающему в результате представления, что всякое сопротивление преодолимо, и связанного с этим усиления чувства жизни, чувство уважения, о котором здесь идет речь, является «эстетически возвышенным». И в этом смысле также можно говорить о напряжении сил благодаря идеям морально доброго, которые вызывают мощную и устойчивую мотивацию к его реализации. Таким образом, концептуальная проблема, отмеченная в начале статьи, может быть решена при описании энтузиазма как эстетически возвышенного, который, однако, теряет свой аффективный характер, препятствующий морали.

Собственно чувство уважения к моральному закону свободно от наглядного содержания.

force behind moral behaviour. If one considers that Kant repeatedly describes the effect of the feeling of respect for the moral law with regard to its superiority over “frail nature” in terms of the sublime — for example, he speaks of the “solemn majesty” and the “glory” (*Herrlichkeit*) of the moral law (*KpV*, AA 05, p. 77; Kant, 1999b, pp. 202-203) — then the feeling of respect is in turn a feeling of the morally sublime. What Kant at first glance misleadingly describes as the *enthusiasm* of good resolution is therefore not an irrational affect, but a reason-determined feeling of the morally sublime. However, it is not identical with the feeling of respect for the moral law and must not be confused with it. The enthusiasm of good resolution is its propaedeutic precursor. It is a morally sublime feeling of respect that is orientated towards demonstrative contents of morality and is effected by them, even though its moral quality is not determined by them, but by the function of pure practical reason. In *this* sense, in relation to sensible and demonstrative contents and to the feeling of pleasure that results from the vision of overcoming all resistance and the associated increase in the feeling of life, the feeling of respect addressed here is “aesthetically sublime”. And in this sense it is also possible to speak of a tensing of the forces through ideas of the moral good, which bring about a strong and lasting motivation to realise the good. In this way, the conceptual problem noted at the beginning can be resolved in the description of the enthusiasm as aesthetically sublime, which, however, loses its affect character that is hindering for morality.

The actual feeling of respect for the moral law is free of demonstrative content. It is, as Kant explains elsewhere, the only feeling that is “produced solely by reason” (*KpV*, AA 05, p. 76; Kant, 1999b, p. 201) and “cognise[d] completely *a priori*” (*KpV*, AA 05, p. 73; Kant,

Это, как поясняет Кант в другом месте, единственное чувство, которое «возбуждается исключительно разумом» (AA 05, S. 76; Кант, 1997, с. 479) и познается «совершенно *a priori*» (AA 05, S. 73; Кант, 1997, с. 471). Поэтому цель примера — не только быть наглядной моделью нравственных поступков и добродетельного образа жизни, но и вести адресата от чувственных представлений к открытию внутренней нравственной свободы (AA 05, S. 161; Кант, 1997, с. 729), которая, как пишет Кант, обсуждая аналогичный пример, «осталась бы для него неизвестной» (AA 05, S. 30; Кант, 1997, с. 349) без демонстрации экзистенциальной значимости безусловного признания морального закона. Эта моральная свобода является основанием «уважения к нам самим» как к свободным существам (AA 05, S. 161; Кант, 1997, с. 727). Самоуважение в осознании свободы является движущей силой для следования моральному закону. Это и есть цель примера¹⁰.

Если мы посмотрим в заключение на различные значения понятия энтузиазма у Канта,

¹⁰ Следует отметить, что Кант допускает примеры для морального воспитания и поощрения энтузиазма доброго намерения, руководствуясь морально-практическими соображениями, только если они касаются образцового выполнения человеком своего долга. Чувственные рассказы о чрезмерно благородных чувствах, о «нежных и мягких чувствах или высокопарных и раздутых претензиях, скорее расслабляющих, чем укрепляющих сердце» (AA 05, S. 157; Кант, 1997, с. 713–715), должны быть исключены. Только в этом последнем, негативном смысле Кант использует термин «энтузиазм» в главе о *методе*. Позитивное понятие энтузиазма, которое здесь не упоминается, но имеет тематическое значение, — это энтузиазм доброго намерения. В связи с этим см. комментарий Кьюиса к неверному пониманию в рецензии Мелиссы Макбэй Мерритт (McBay Merritt, 2010) его утверждений о роли энтузиазма в моральном воспитании. Макбэй Мерритт ошибочно приписывает Кьюису тезис о том, что «энтузиазм может играть легитимную и благотворную роль в нашем моральном развитии» (McBay Merritt, 2010, p. 529; Clewis, 2018, p. 194, n. 23). Кантовская концепция энтузиазма доброго намерения может рассматриваться как развязка этого недоразумения: как было показано выше, именно моральное чувство служит нравственному воспитанию.

1999b, p. 199). The purpose of the example is therefore not only to be a demonstrative model for moral actions and a virtuous way of life, but also to lead the addressee from sensible views to the discovery of inner moral freedom (*KpV*, AA 05, p. 161; Kant, 1999b, p. 269), which, as Kant writes when discussing a similar example, “would have remained unknown to him” (*KpV*, AA 05, p. 30; Kant, 1999b, p. 164) without the demonstration of the existential significance of the unconditional recognition of the moral law. This moral freedom is the ground of “*respect for ourselves*” as free beings (*KpV*, AA 05, p. 161; Kant, 1999b, p. 269). Self-respect in the awareness of freedom is the driving force for following the moral law. This is the aim of the example.¹⁰

Finally, if we look at the various meanings of Kant’s concept of enthusiasm, we cannot overlook a reevaluation of enthusiasm. Initially ostracised and excluded from the field of ethics as a marginal psychological phenomenon, it is elevated to a key concept in the philosophy of history, and, under the title of enthusiasm of good resolution, is ennobled into a preliminary form of respect for the moral law. The historical

¹⁰ It should be noted that Kant only allows examples for moral education and the promotion of enthusiasm for good resolution guided by a moral-practical reason if they are about exemplary compliance with a person’s duty. Sensitive tales of exuberantly noble sentiments, of “melting, tender feelings or high-flown, puffed-up pretensions, which make the heart languid instead of strengthening it” (*KpV*, AA 05, p. 157; Kant, 1999b, p. 265) are to be excluded. It is only in this latter, negative sense that Kant uses the term enthusiasm in the chapter on method. The positive concept of enthusiasm, which is not mentioned here but which is thematically relevant, is that of enthusiasm of good resolution. To this point see Clewis’s commentary on a misunderstanding in a review of Melissa McBay Merritt (2010) of his statements about the role of enthusiasm in moral education. McBay Merritt (2010, p. 529) wrongly attributes to Clewis the thesis that “enthusiasm can play a legitimate and benevolent role in our moral development” (cf. Clewis, 2018, p. 194n23). Kant’s concept of the enthusiasm of good resolution can be seen as the denouement of that misunderstanding: As shown above, it is that moral feeling that serves moral education.

то не сможем не заметить изменения оценок. Изначально отвергнутый и исключенный из области этики как маргинальный психологический феномен, он возвышается до ключевого понятия в философии истории и под названием «энтузиазм доброго намерения» облагораживается в преформу уважения к моральному закону. Я не буду здесь обсуждать историческое влияние энтузиазма в философии, эстетике и литературе конца XVIII и XIX в. (у Фридриха Шлегеля, Э.Т.А. Гофмана, Фридриха Ницше) (см.: Schrader, 2010, S. 238–239), но в завершение позволю себе замечание о судьбе энтузиазма в философии XX в.

Лиотар об энтузиазме как знаке истории

В 1986 г. французский философ Жан-Франсуа Лиотар (1924–1998) опубликовал интерпретацию кантовской теории энтузиазма и приписываемого ему Кантом значения исторического знака (Lyotard, 1986). Интерес Лиотара к Канту¹¹ был вызван намерением исследовать потенциалы кантовской политической философии в условиях постмодернизма, когда надежда найти универсальную освободительную политическую теорию в марксизме провалилась (Лиотар, 1998). Таким образом, Лиотар стремился достичь понимания возможной актуальности не только политической философии Канта, но и роли философа в настоящем. Внимание Лиотара к кантовской теории энтузиазма и в целом положительный ответ Канта на вопрос о постоянном прогрессе в истории человечества (AA 07, S. 79–94; Кант, 2024г, с. 324–340), однако, оборачивается окончательным прощанием с энтузиазмом и признанием его непригодности в качестве памятного и прогностического знака истории (*un signe d'histoire*). Причины этого будут объяснены ниже.

¹¹ См.: (Burger, 1996; Kammasch, 2004); более новый и детальный анализ см.: (Scheerlinck, 2017).

impact of enthusiasm in philosophy, aesthetics and literature of the late eighteenth and nineteenth centuries (Friedrich Schlegel, E.T.A. Hoffmann, Friedrich Nietzsche) can no longer be discussed here (see Schrader, 2010, pp. 238-239). I will conclude with a note on the fate of enthusiasm in twentieth-century philosophy.

Lyotard on Enthusiasm as a Sign of History

In 1986, the French philosopher Jean-François Lyotard (1924–1998) published an interpretation of Kant's theory of enthusiasm and the meaning of a historical sign ascribed to it by Kant (Lyotard, 1986; English translation: Lyotard, 2009). Lyotard's interest in Kant¹¹ was guided by the intention, after the failure of the hope of finding a universal emancipatory political theory in Marxism, to enquire into the potentials of Kant's political philosophy under the conditions of postmodernity (Lyotard, 1979). In this way, Lyotard not only sought to reach an understanding about the possible actuality of Kant's political philosophy, but also about the role of the philosopher in the present. Lyotard's interest for Kant's theory of enthusiasm and Kant's generally positive answer to the question of constant progress in the history of humankind (*SF*, AA 07, pp. 79-94; Kant, 2006a), however, turns into a definitive farewell to enthusiasm and its suitability as a memorative and prognostic sign of history (*un signe d'histoire*). The reasons for this will be explained below.

Three Observations on Enthusiasm

Lyotard's treatise can be divided into two parts of different lengths. While the first extensive part, comprising four chapters,

¹¹ See Burger (1996) and Kammasch (2004); most recently and in detail Scheerlinck (2017).

Три наблюдения по поводу энтузиазма

Трактат Лиотара может быть разделен на две части разной длины. Если первая обширная часть, состоящая из четырех глав, предлагает реконструкцию теории Канта о возвышенном и энтузиазме, который, по мнению Лиотара, является чувством возвышенного, то вторая, собственно критическая часть сжата всего до нескольких страниц. Она является решающей для данного контекста, поэтому соображения первой части будут приниматься во внимание только в той мере, в какой они важны для понимания второй.

Лиотар описывает три «наблюдения». В первом он вместе с Кантом исходит из того, что интерес представляет не событие Французской революции как таковое, а реакция зрителей, их умонастроение (AA 07, S. 85; Кант, 2024г, с. 330), что выражается, как было показано выше, в «граничащем с энтузиазмом *сочувствии... чаяниям*» (Там же). Верен также тезис Лиотара о том, что понятый таким образом энтузиазм — это возвышенное, или, точнее, эстетически возвышенное чувство, что подтверждается замечаниями Канта в «Критике способности суждения» (AA 05, S. 272; Кант, 2001, с. 323; см.: Lyotard, 1991, p. 188–191). Однако Лиотар не видит отмеченного выше несоответствия между описанием Кантом мощного и продолжительного воздействия энтузиазма, с одной стороны, и его эпизодически-преходящим характером — с другой. По этой причине негативный аспект, содержащийся в чувстве возвышенного и заключающийся в страхе публики перед репрессиями со стороны государственных властей, феноменологически гораздо менее важен, чем позитивный аспект, который состоит в восторженном ожидании реализации политической свободы в республиканской конституции и мира между государствами. И поэтому «бездна», которая разверзается ввиду несоизмеримости идеи и ее реализации и которая пре-

offers a reconstruction of Kant's theory of the sublime and of enthusiasm, which according to Lyotard is a feeling of the sublime, the second, in fact critical part is compressed into only a few pages. It is the decisive part for the present context; therefore the considerations of the first part will only be taken into account to the extent that they are important for understanding the second part.

There are three “observations” that Lyotard describes. In the first observation, Lyotard assumes with Kant that it is not the event of the French Revolution as such that is of interest, but the reaction of the spectators and their “mind-set” (SF, AA 07, p. 85; Kant, 2006a, p. 155). As shown above, it expresses itself in that “*sympathy in wish that borders on enthusiasm*” (*ibid.*). Lyotard's thesis that enthusiasm thus conceived is a sublime, or more precisely, an aesthetically sublime feeling, as is to be specified in recourse to Kant's remarks in the *Critique of Judgement*, is also valid (KU, AA 05, p. 272; Kant, 2000, p. 154; cf. Lyotard, 1994, pp. 153-156). However, Lyotard does not see the inconsistency noted above between Kant's description of the powerful and lasting effect of enthusiasm on the one hand, and its episodic-transitory character on the other. For this reason, the negative aspect contained in the feeling of the sublime, which consists in the spectators' fear of repression by the state authorities, is phenomenologically much less important than the positive aspect, which is the enthusiastic vision of the realisation of political freedom in a republican constitution and of peace between states. And therefore the “abyss” that opens up in view of the incommensurability of the idea and its realisation and that prevents the “passage” between these two sides is not as serious as Lyotard (2009, p. 32) seems to see it.

The second observation concerns an analogy between the sublime in nature, the

пятствует «прохождению» между этими двумя сторонами, не так серьезна, как кажется Лиотару (Lyotard, 1986, p. 64).

Второе наблюдение касается аналогии между возвышенным в природе, революцией как историческим событием и чувством энтузиазма. По мнению Лиотара, она заключается в том, что «самый дикий и лишенный всяких правил беспорядок и опустошение» (AA 05, S. 246; Кант, 2001, с. 257–259), упомянутые Кантом при описании динамически возвышенного в природе, характерны и для ситуации революции, и для энтузиазма. Так, революции «лишены формы и гештальта в исторической человеческой природе» (Lyotard, 1986, p. 65), а энтузиазм заключается в напряжении между хаосом, который возникает в результате революционных действий, с одной стороны, и идеями разума, содержанием которых является суверенитет народа и мир между государствами, — с другой.

Однако в описании энтузиазма у Канта нет упоминания о хаосе и беспорядке. Не революционное состояние без формы и правил, а скорее идея суверенитета народа, обусловленная идеей свободы, и перспектива установления республиканской конституции, с одной стороны, и опасность возможных репрессий — с другой, порождают в энтузиазме чувство возвышенного, которое «смешивается» с удовольствием и неудовольствием. И в то же время интерпретация Лиотаром рациональности энтузиазма в терминах теории суждения вполне релевантна: в основе энтузиазма лежит эстетическое суждение, не имеющее универсального правила применения. Точнее, это такое правило, содержанием которого являются упомянутые идеи, но реальность которого нельзя доказать теоретически, а можно только ожидать ее и надеяться, и для легитимности которого, следовательно, можно или нужно постулировать только здравый смысл. Умонастроение зрителей, выражающееся в публично демонстрируемом эн-

revolution as a historical event and the feeling of enthusiasm. In Lyotard's view, it consists in the fact that the "wildest and most unruly disorder and devastation" (KU, AA 05, p. 246; Kant, 2000, p. 130) mentioned by Kant when describing the dynamic sublime of nature are characteristic of both the situation of revolution and enthusiasm. Thus, revolutions are "formless and shapeless in the historical human nature" (Lyotard, 2009, p. 33; translation corrected — J.S.), while enthusiasm consists in the tension between the chaos that breaks out with the revolutionary actions on the one hand, and the ideas of reason, the content of which is the sovereignty of the people and an interstate peace, on the other.

However, there is no mention of chaos and disorder in Kant's description of enthusiasm. It is not the revolutionary state without form or rules, but rather the idea the sovereignty of the people determined by the idea of freedom and the prospect of the establishment of a republican constitution on the one hand, and the danger of possible repression on the other, that give rise to the feeling of the sublime in enthusiasm, which is 'mixed' with pleasure and displeasure. However, Lyotard's interpretation of the rationality of enthusiasm in terms of judgement theory is plausible: enthusiasm is based on an aesthetic judgement without a universal rule for its application. It is more precisely a rule whose content is the ideas mentioned, whose reality cannot be proven theoretically, but is only expected and hoped for, and for whose legitimacy therefore only common sense can or must be postulated. The spectators' mind-set, which is expressed in the publicly displayed enthusiasm, thus presupposes the appeal to a general consensus of a community, for which, however, and this is the point of the third observation, there is no proof in the sense of a direct representation or reality of a corresponding object, but only an indirect representation (*ibid.*, p. 36).

тузиазме, предполагает, таким образом, апелляцию к общему консенсусу сообщества, для которого, однако, — и в этом смысле третьего наблюдения — не существует доказательства в смысле непосредственного представления или реальности соответствующего объекта, а только косвенное представление (Ibid., p. 70).

Более того, призыв направлен на консенсус сообщества, способного прийти к согласию в отношении идей практического разума. Поэтому сам возвышенный энтузиазм можно рассматривать как индикативный знак истинности суждения о том, что в этической культуре наблюдается прогресс к лучшему. А поскольку такой энтузиазм, в силу его первостепенной важности для интересов человечества, является феноменом, который, по формулировке Канта, «не может быть забыт», его можно понимать как памятный и прогностический знак истории (Ibid., p. 75–77). Однако, согласно критическому резюме Лиотара, в условиях исторического опыта XX в. это уже невозможно.

Лиотар прощается с энтузиазмом

Лиотар приводит несколько примеров прощания с кантовским энтузиазмом: «Освенцим» — это абсолютное отрицание идеи прав человека, «разверзшаяся бездна», которая делает невозможным применение этой идеи и, можно добавить, идеи человеческого достоинства; «Будапешт 1956» — это «разверзшаяся бездна» перед идеей международного права; «Колыма» — это «разверзшаяся бездна» перед идеей диктатуры пролетариата и, уместнее было бы добавить, перед идеей человеческого достоинства; и, наконец, студенческий бунт «1968 года» — это «разверзшаяся бездна» перед идеей народного суверенитета, независимого от власти (Ibid., p. 108–109). Эти события второй половины XX в., которые французский философ называет здесь «постмодерном» (Ibid., p. 108), порождают, согласно Лиотару, коллективное состояние души, или чувство, пред-

Moreover, the appeal is directed at the consensus of a community that is able to agree on ideas of practical reason. Therefore, the sublime enthusiasm itself can be regarded as an indicative sign of the truth of the judgement that there is progress for the better in ethical culture. And since such enthusiasm, due to its paramount importance for the interests of humanity, is a phenomenon that, in Kant's formulation, 'will not be forgotten', it can be understood as a memorative and prognostic sign of history (*ibid.*, pp. 39-40). However, according to Lyotard's critical résumé, this is no longer possible under the conditions of the historical experiences of the twentieth century.

Lyotard's Farewell to Enthusiasm

Lyotard provides several examples of a farewell to the Kantian enthusiasm: 'Auschwitz' is the absolute negation of the idea of human rights, "an abyss opened up" that makes the application of this idea and, it would be added, of the idea of human dignity impossible; 'Budapest 1956' is "an abyss opened up" before the idea of international law; 'Kolyma' is an "an abyss opened up" before the idea of the dictatorship of the proletariat and, it would be more appropriate to add, before the idea of human dignity; and finally the student revolt of '1968' is "an abyss opened up" before the idea of popular sovereignty, independent of domination (*ibid.*, p. 63). These events in the second half of the twentieth century, what Lyotard calls "postmodernity" here (*ibid.*), give rise, according to Lyotard, to a collective state of mind or a feeling that represents "a new kind of sublime", "which is in no way homologous with the enthusiasm of 1789" and which is "even more paradoxical than that of enthusiasm" (*ibid.*). The heightened paradox of this sublime feeling obviously consists in the fact that it now reacts to the historical experience of the absolute *impossibility* of

ставляющее собой «новый вид возвышенного»: «никоим образом не гомологичное энтузиазму 1789 года» и «еще более парадоксальное, чем энтузиазм» (Ibid.). Возросшая парадоксальность этого возвышенного чувства, очевидно, заключается в том, что оно теперь реагирует на исторический опыт абсолютной *невозможности* реализовать вышеупомянутые идеи и политической *дисфункции* всех практических суждений, которые собраны вместе и используются в историко-политических трудах Канта под единой идеей политического (см.: Ibid., p. 107). Им на смену пришли совещательные обсуждения целей и средств политического действия, разработка моделей в открытых дебатах, свободное голосование, принятие конституционных законов и их принудительная сила. Эти области суждения, ставшие нефункциональными, свидетельствуют о глубокой «трещине» в ранее «великом совещательном политическом ядре» (Ibid., p. 108). Новое чувство возвышенного реагирует на это обстоятельство, в котором Лиотар видит, — хотя недостаточно ясно это выражает, — бесформенность и беспорядок, выведенные им из аналогии с одним из аспектов возвышенного в природе и подлежащие преодолению. Помимо проблематичности этого аспекта, о которой говорилось выше, следует отметить, что Лиотар, вероятно, намеренно не дает более точного обозначения этому новому чувству возвышенного, которое никак не связано с энтузиазмом кантовского образца (Ibid., p. 113). Его можно было бы назвать несентиментальной разновидностью *Weltschmerz*.

Содержащееся в этом настроении намерение преодолеть указанные бездны носит созерцательный характер и описывает роль, очевидно, не политика, а философа: бездны должны быть исследованы скрупулезно и без предрассудков, а идеи, о которых идет речь, должны стать предметом общего образования и свободного изучения (Ibid., p. 109). Это должно произойти, помимо прочего — и это нужно подчеркнуть, — в ходе критического осмысле-

realising the aforementioned ideas and the political *dysfunction* of all the practical judgements that are gathered together and applied in Kant's historical-political writings under the unified idea of the political (see *ibid.*, p. 62). These are replaced by deliberative consultation on the ends and means of political action, the development of models in open debates, the free vote, the enactment of constitutional laws and their power to coerce. These areas of judgement that have become dysfunctional, signify a profound "fissure" in the formerly "great deliberative political core" (*ibid.*, p. 63). The new feeling of the sublime reacts to this. Lyotard probably sees in this, without making it sufficiently clear, the formlessness and disorder that he had derived from the analogy with an aspect of the sublime in nature and which must be overcome. Apart from the problematic nature of this aspect outlined above, it should be noted that Lyotard apparently deliberately does not specify this new feeling of the sublime, which is not related to the Kantian enthusiasm (*ibid.*, p. 66). One might call it an unsentimental kind of *Weltschmerz*.

The intention contained in this sentiment to overcome the abysses pointed out is contemplative and obviously does not describe the role of the politician, but of the philosopher: The abysses are to be explored precisely and without prejudice, and the ideas in question are also to be made the object of general education and free exploration (*ibid.*, p. 63). This is to happen among other things (and this is to be emphasised) in a critical reflection on the "claim" and "imposture" of capital (*ibid.*, p. 66). This should contribute to the formation of a new structure of socio-political reality. It should not be orientated towards a unified purpose, rejecting the Kantian idea "that nature pursues the end of human freedom through history" (*ibid.*, p. 67), but rather, in tolerance

ния «притязания» и «самозванства» капитала (Ibid., p. 113), что будет способствовать формированию новой структуры социально-политической реальности. Она должна, отвергая кантовскую идею, «что природа в истории преследует цель человеческой свободы» (Ibid., p. 114), не ориентироваться на единую цель, но, скорее, проявляя терпимость к существующим или возникающим спорам и их гетерономным языковым играм, способствовать «началу бесконечности гетерогенных целей» (Ibid., p. 109). С этим намерением, одновременно мотивированным памятью об историческом опыте и прогностически указывающим на будущее, которое предстоит сформировать, по-новому осознаваемое чувство должно стать «знаком истории» (Ibid.). Лиотар видит в этом «след свободы в действительности» (Ibid., p. 114).

Историцистская ошибка Лиотара

В связи с интерпретацией и критикой Лиотаром кантовской теории энтузиазма как памятного и прогностического знака истории важно отметить следующее. Прежде всего нужно подчеркнуть, что Кант не имеет в виду возможное повторение исторического энтузиазма в ходе мировой истории, что было бы уязвимо для критики. Скорее, речь идет о «событии», которое заставит народы вспомнить «о нем при какой-либо благоприятной возможности» и пробудиться «к повторению новых попыток такого рода» (AA 07, S. 88; Кант, 2024г, с. 334). Здесь Кант учитывает непредсказуемый ход мировой истории, которая может привести к эпохам реставрации или к разрушительным войнам с катастрофическими последствиями для культуры той или иной страны. Упомянутые выше примеры Лиотара — именно такие события. Поэтому с кантовской точки зрения они не могут быть использованы в качестве возражений против силы этого исторического знака и его политико-освободительного значения. Решающим является то, что этот феномен, по выражению

towards existing or emerging disputes and their heteronomous language games, it should contribute to “the beginning of the infinity of heterogeneous finalities” (*ibid.*, pp. 63-64). With this intention, which is both motivated by the memory of historical experiences and points prognostically to a future to be shaped, the newly conceived feeling is to become “a sign of history” (*ibid.*, p. 63). Lyotard sees this as “the trace of freedom within reality” (*ibid.*, p. 67).

Lyotard's Historicistic Fallacy

The following should be noted with regard to Lyotard's interpretation and critique of Kant's theory of enthusiasm as a memorative and prognostic sign of history. First of all, it should be pointed out that Kant is not concerned with a possible *repetition* of that historical enthusiasm in the course of world history that would be open to criticism. Rather, it is a matter of an “event” that “favorable conditions would [...] occasion peoples to remember it and make renewed attempts of this kind” (SF, AA 07, p. 88; Kant, 2006a, p. 158). Here, Kant takes into account the unpredictable course of world history, which can lead to restorative epochs or devastating wars and the catastrophic consequences for the culture of a country. Lyotard's above-mentioned examples are such events. From a Kantian perspective, therefore, they cannot be used as objections to the power of that historical sign and its political-emancipatory significance. What is decisive is that this phenomenon, as Kant puts it, “has uncovered a predisposition and power toward the better in human nature” (*ibid.*). It is this phenomenon that, once it has come into the world, “will not be forgotten”. And it cannot be forgotten, not even by the worst historical catastrophes. Lyotard overlooks this. Lyotard's plea for a farewell to the Kantian enthusiasm as a sign of history is therefore a historicistic fallacy. He concludes from contingent historical

Канта, «вскрыл в человеческой природе задаток и способность к лучшему» (Там же; перевод уточнен. — *Пер.*). Именно этот феномен, однажды возникнув в мире, «не может быть забыт». И он не будет забыт даже в случае самых страшных исторических катастроф. Лиотар упускает это из виду, поэтому его призыв распрощаться с кантовским энтузиазмом как знаком истории — историцистская ошибка. Из случайных исторических событий, приведших к извращению этих идей свободы и права и попыток осуществить государственную конституцию согласно законам свободы, он делает вывод об окончательной утрате убедительной силы и обоснованности априорных идей свободы и права и о теоретической невозможности в принципе реализовать их содержание «в соответствии с Идеей человека и философией субъекта» (Lyotard, 1986, p. 113). Случайные исторические события не являются убедительными аргументами против обоснованности таких *априорных* идей, как свобода и право, и человеческих усилий по их осуществлению в ходе истории¹².

Переход философии к дискурс-анализу, призыв уважать «несоизмеримость трансцендентальных требований, присущих семействам гетерогенных предложений» (Ibid., p. 114), сформулированный Лиотаром в конце трактата об энтузиазме в терминах теории языка, и рекомендация «найти другие языки для того, что не может быть выражено в существующих языках» (Ibid.), могут быть, возможно, поняты как скрытое косвенное пожелание дать идее человеческой свободы в конечном счете свой собственный язык. В «Распре» Лиотар, однако, отказался от значения чувства как знака истории и наделил его функцией «зова» (Lyotard, 1988, p. 107 (№ 163); см.: Scheerlinck, 2017, S. 452; Kammach, 2004, S. 398–402), который, подобно хайдеггеровскому «зову совести»

¹² В трактате «К вечному миру» Кант даже использует эмфатическую деистическую формулировку, описывая право людей как «самое святое, что есть у Бога на земле» и как «зеницу Божию» (AA 08, S. 352 Anm.; Кант, 2024д, с. 171, примеч.; перевод уточнен — *Пер.*; см.: Enskat, 2022, S. 82, 102–109).

events, which resulted in the perversion of those ideas of freedom and right and of the efforts to realise a state constitution according to the laws of freedom, to the definitive loss of the persuasive power and validity of the *a priori* ideas of freedom and right and to the theoretical impossibility in principle of realising their content “by the Idea of man and with a philosophy of the subject” (Lyotard, 2009, p. 66). Contingent historical events are not convincing arguments against the validity of such *a priori* ideas as freedom and right and the human efforts to realise them in the course of history.¹²

The conversion of philosophy to a discourse analysis, the respect for “the incommensurability of the transcendental exigencies proper to heterogeneous phrase families” (Ibid., p. 67) demanded by Lyotard at the end of his treatise on enthusiasm in terms of language theory, and the recommendation “to find other languages for what cannot be expressed within existing languages” (Ibid.) may perhaps be understood as a hidden and indirect suggestion to give the idea of human freedom its own language after all. In *The Differend*, Lyotard (1988, p. 107 (no. 163)), however, abandoned the significance of feeling as a sign of history and assigned it the function of a “call” (cf. Scheerlinck, 2017, p. 452; Kammach, 2004, pp. 398-402), which, comparable to Heidegger’s “call of conscience” (“*Ruf des Gewissens*”) (Heidegger, 1986, p. 272), does not make it clear what the call is for and what should be done. That is left to the individual. If a trace of freedom beyond existing languages is to be recognisable in it, then this freedom is dangerously empty.

¹² In his writing *Toward Perpetual Peace*, Kant even uses an emphatic deistic formulation to describe the right of human beings as “the holiest thing that God has on earth” and as “God’s most treasured possession” (Zef, AA 08, p. 352n; Kant, 2006b, p. 77n; cf. Enskat, 2022, p. 82; pp. 102-109).

(«Ruf des Gewissens») (Хайдеггер, 1997, с. 269), не дает понять, для чего этот зов и что следует делать. Это остается на усмотрение индивида. Если в этом зове можно распознать хоть какой-то след свободы вне существующих языков, то эта свобода опасно пуста.

Список литературы

Вергилий. Энеида / пер. с лат. С. А. Ошерова ; под ред. Ф. А. Петровского // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / пер. с лат. ; вступ. ст. М. Гаспарова ; коммент. Н. Старостиной, Е. Рабинович. М. : Худ. лит., 1979. С. 137–404.

Кант И. О педагогике, 1800 // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 8. С. 399–463.

Кант И. Критика практического разума // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Московский философский фонд, 1997. Т. 3. С. 277–733.

Кант И. Критика способности суждения // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2001. Т. 4. С. 68–833.

Кант И. Метафизика нравов. Часть первая. Метафизические первоначала учения о праве // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 5, ч. 1. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 19–474.

Кант И. Метафизика нравов. Часть вторая. Метафизические основные начала учения о добродетели // Соч. на нем. и рус. яз. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2019. Т. 5, ч. 2. С. 17–428.

Кант И. Антропология в прагматическом отношении // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова и В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024а. Т. 1 : Соч. по антропологии / под ред. А. Г. Жаворонкова. С. 162–396.

Кант И. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова и В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024б. Т. 1 : Соч. по антропологии / под ред. А. Г. Жаворонкова. С. 33–85.

Кант И. Опыт о болезнях головы // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова и В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024в. Т. 1 : Соч. по антропологии / под ред. А. Г. Жаворонкова. С. 86–99.

References

Burger, D., 1996. *Die Genese des "Widerstreits". Entwicklungen im Werk Jean-François Lyotards*. Wien: Turia und Kant.

Clewis, R. R., 2018. The Feeling of Enthusiasm. In: K. Sorensen and D. Williamson, eds. 2018. *Kant and the Faculty of Feeling*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 184-207.

Enskat, R., 2022. *Aufklärung – Religion – Wissenschaft. Zur Genese und Struktur unseres neuzeitlichen Spannungsfeldes*. Hamburg: Meiner.

Heidegger, M., 1986. *Sein und Zeit*. Tübingen: Niemeyer.

Heyd, M., 1995. *Be Sober and Reasonable. The Critique of Enthusiasm in the Seventeenth and Early Eighteenth Centuries*. New York: Brill.

Kammasch, T., 2004. *Politik der Ausnahme. Die "Politique philosophique" von Jean-François Lyotard und ihr Widerstreit mit Kant*. Mandelbach & Cambridge : Cicero.

Kant, I., 1999a. *The Metaphysics of Morals*. In: I. Kant, 1999. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 365-603.

Kant, I., 1999b. *Critique of Practical Reason*. In: I. Kant, 1999. *Practical philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 139-271.

Kant, I., 2000. *Critique of the Power of Judgment*. Edited by P. Guyer. Translated by P. Guyer and E. Matthews. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2006a. *The Contest of the Faculties, Part 2*. In: I. Kant, 2006. *Toward Perpetual Peace and Other Writings on Politics, Peace, and History*. Edited by P. Kleingeld; translated by D. L. Colclasure. New Haven & London: Yale University Press, pp. 150-163.

Kant, I., 2006b. *Toward Perpetual Peace: A Philosophical Sketch*. In: I. Kant, 2006. *Toward Perpetual Peace and Other Writings on Politics, Peace, and History*. Edited and with an introduction by P. Kleingeld; translated by D. L. Colclasure. New Haven & London: Yale University Press, pp. 67-109.

Kant, I., 2007a. *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. Translated by R. B. Loudon. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöllner and R. B. Loudon. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 227-429.

Kant, I., 2007b. *Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime*. Translated by P. Guyer. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöllner and R. B. Loudon. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 18-62.

Kant I. Спор факультетов // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова и В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024г. Т. 2 : Соч. по философии политики / под ред. В. А. Чалого. С. 250–361.

Kant I. К вечному миру // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова и В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024д. Т. 2 : Соч. по философии политики / под ред. В. А. Чалого. С. 159–211.

Лиотар Ж. -Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. ; СПб. : Институт экспериментальной социологии ; Алетейя, 1998.

Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В.В. Бибихина. М. : Ad Marginem, 1997.

Burger D. Die Genese des „Widerstreits“. Entwicklungen im Werk Jean-François Lyotards. Wien : Turia und Kant, 1996.

Clewis R. R. The Feeling of Enthusiasm // Kant and the Faculty of Feeling / ed. by K. Sorensen, D. Williamson. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. P. 184–207.

Enskat R. Aufklärung – Religion – Wissenschaft. Zur Genese und Struktur unseres neuzeitlichen Spannungsfeldes. Hamburg : Meiner, 2022.

Heyd M. Be Sober and Reasonable. The Critique of Enthusiasm in the Seventeenth and Early Eighteenth Centuries. N. Y. : Brill, 1995.

Kammasch T. Politik der Ausnahme. Die „Politique philosophique“ von Jean-François Lyotard und ihr Widerstreit mit Kant. Mandelbach ; Cambridge : Cicero, 2004.

Lyotard J. F. Le différend. P. : Les Éditions de minuit, 1984.

Lyotard J. F. L'enthousiasme. La critique kantienne de l'histoire. P. : Galilée, 1986.

Lyotard J. F. Leçons sur l'analytique du sublime : Kant, Critique de la faculté de juger. P. : Galilée, 1991.

McBay Merritt M. [Rev.] Robert R. Clewis: The Kantian Sublime and the Revelation of Freedom. Cambridge: Cambridge University Press, 2009, pp. xiii + 258 // British Journal for the History of Philosophy. 2010. Vol. 18, № 3. P. 529–532.

Muglioni J. -M. Enthusiasmus und moralischer Fortschritt im Streit der Fakultäten // Immanuel Kant: Schriften zur Geschichtsphilosophie / hrsg. von O. Höffe. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2024. S. 197–214.

Newmark C. Passion – Affekt – Gefühl. Philosophische Theorien der Emotionen zwischen Aristoteles und Kant. Hamburg : Meiner, 2008.

Kant, I., 2007c. *Essay on the Maladies of the Head*. Translated by H. Wilson. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöllner and R. B. Loudon. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 63-77.

Kant, I., 2007d. *Lectures on Pedagogy*. Translated by R. B. Loudon. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöllner and R. B. Loudon. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 434-485.

Kant, I., 2011. *Remarks in the Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime*. In: I. Kant, 2011. *Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime and Other Writings*. Edited by P. Frierson and P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 65-204.

Lyotard, J. F., 1979. *La Condition postmoderne. Rapport sur le savoir*. Paris: Les Éditions de minuit.

Lyotard, J. F., 1986. *L'enthousiasme. La critique kantienne de l'histoire*. Paris: Galilée.

Lyotard, J. F., 1988. *The Differend. Phrases in Dispute*. Translated by G. Van Den Abbeele. Manchester: Manchester University Press.

Lyotard, J. F., 1994. *Lessons on the Analytic of the Sublime*. Translated by E. Rottenberg. Stanford, CA: Stanford University Press.

Lyotard, J. F., 2009. *Enthusiasm. The Kantian Critique of History*. Stanford, CA: Stanford University Press.

McBay Merritt, M., 2010. (Book Review) Robert R. Clewis: *The Kantian Sublime and the Revelation of Freedom*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009, pp. xiii + 258. *British Journal for the History of Philosophy*, 18(3), pp. 529-532.

Muglioni, J. -M., 2024. Enthusiasmus und moralischer Fortschritt im Streit der Fakultäten. In: O. Höffe, ed. 2024. *Immanuel Kant: Schriften zur Geschichtsphilosophie*. Berlin & Boston: de Gruyter, pp. 197-214.

Newmark, C., 2008. Passion – Affekt – Gefühl. Philosophische Theorien der Emotionen zwischen Aristoteles und Kant. Hamburg: Meiner.

Pleger, W., 1989. Kant und die Französische Revolution. In: H. H. Holz, G. Labica, D. Losurdo and H. J. Sandkühler, eds. 1989. *Annalen der Internationalen Gesellschaft für Dialektische Philosophie – Societas Hegeliana, Volume 6: Die französische Revolution: Philosophie und Wissenschaften*. Köln: Pahl-Rugenstein, pp. 245-249.

Rousseau, J. -J., 1995. *The Confessions*. In: C. Kelly, R. D. Masters and P. G. Stillman, eds. 1995. *The Collected Writings of Rousseau. Volume 5: The Confessions and Correspondence, Including the Letters to Malesherbes*. Translated by C. Kelly. Hanover & London: University Press of New England, pp. 1-550.

Pleger W. Kant und die Französische Revolution // Annalen der Internationalen Gesellschaft für Dialektische Philosophie – Societas Hegeliana. Köln : Pahl-Rugenstein, 1989. Bd. 6 : Die französische Revolution: Philosophie und Wissenschaften / hrsg. von H.H. Holz, G. Labica, D. Losurdo, H. J. Sandkühler. S. 245–249.

Scheerlinck R. Enthusiasmus und Ekel. Ein posthumer Dialog zwischen Kant und Lyotard // Kant-Studien. 2017. Bd. 108, H. 3. S. 427–453.

Schrader W.H. Enthusiasmus // Ästhetische Grundbegriffe. Historisches Wörterbuch in 7 Bdn. / hrsg. von K. Barck, M. Fontius, F. Wolfzettel, B. Steinwachs. Stuttgart ; Weimar : J. B. Metzler, 2010. Bd. 2. S. 223–240.

Schramke J. Das Prinzip Enthusiasmus. Wandlungen des Begriffs im Zeitalter der Aufklärung und der Französischen Revolution. Göttingen : Universitätsverlag, 2018.

Seebohm T. M. Kant und die Revolution // Jahrbuch der Albertus Universität zu Königsberg. Jahr 1993. Berlin : Duncker & Humblot, 1994. Bd. 28. S. 141–148.

Sorensen K.D. 2002. Kant's Taxonomy of the Emotions // Kantian Review. 2002. Vol. 6. P. 109–128.

Stolzenberg J. Freude und Enthusiasmus. Schiller – Kant – Beethoven // Musiktheorie. Zeitschrift für Musikwissenschaft. 2023. Bd. 1. S. 41–54.

Об авторе

Юрген Штольценберг, доктор философии, профессор, Галле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера, Галле (Зале), Германия.

E-mail: juergen.stolzenberg@phil.uni-halle.de

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6569-2963>

О переводчике

Нина Анатольевна Дмитриева, доктор философских наук, Академия Кантиана, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия.

E-mail: NDmitrieva@kantiana.ru;

na.dmitrieva@mpgu.su

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1092-0321>

Для цитирования:

Штольценберг Ю. Кант об энтузиазме // Кантовский сборник. 2025. Т. 44, № 1. С. 40-67.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-1-2>

© Штольценберг Ю., 2025.

Scheerlinck, R., 2017. Enthusiasmus und Ekel. Ein posthumer Dialog zwischen Kant und Lyotard. *Kant-Studien*, 108(3), pp. 427-453.

Schrader, W.H., 2010. Enthusiasmus. In: K. Barck, M. Fontius, F. Wolfzettel and B. Steinwachs, eds. 2010. *Ästhetische Grundbegriffe. Historisches Wörterbuch in sieben Bänden, Volume 2*. Stuttgart & Weimar: J. B. Metzler, pp. 223-240.

Schramke, J., 2018. *Das Prinzip Enthusiasmus. Wandlungen des Begriffs im Zeitalter der Aufklärung und der Französischen Revolution*. Göttingen: Universitätsverlag.

Seebohm, T. M., 1994. Kant und die Revolution. *Jahrbuch der Albertus Universität zu Königsberg. Year 1993, Volume 28*. Berlin: Duncker & Humblot, pp. 141-148.

Sorensen, K. D., 2002. Kant's Taxonomy of the Emotions. *Kantian Review*, 6, pp. 109-128.

Stolzenberg, J., 2023. Freude und Enthusiasmus. Schiller – Kant – Beethoven. *Musiktheorie. Zeitschrift für Musikwissenschaft*, 1, pp. 41-54.

The author

Prof. Dr Jürgen Stolzenberg, Martin Luther University Halle-Wittenberg, Halle (Saale), Germany.

E-mail: juergen.stolzenberg@phil.uni-halle.de

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6569-2963>

To cite this article:

Stolzenberg, J., 2025. Kant on Enthusiasm. *Kantian Journal*, 44(1), pp. 40-67.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-1-2>

© Stolzenberg J., 2025.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))